

ТАЙНА ЗАКЛАДНОЙ РЭЙМОНДА

Джона Сайрела из «Ежедневных новостей Нью-Йорка» я впервые увидел у себя дома — он стоял перед распахнутым окном и глазел на город. Было около шести вечера, зажигались первые фонари. Вся 33-я улица выглядела сплошной линией ярко освещенных зданий. Он был невысок ростом, но благодаря прямоте осанки и гибкости движений его прекрасное сложение вполне можно было назвать атлетическим. При нашей первой встрече ему было двадцать три года, а он уже занимал должность репортера. В нем не было приторной «красивости»: лицо было чисто выбрито, а форма подбородка ясно указывала на сильный характер. Его глаза были карими.

Когда я вошел в комнату, он медленно повернулся и обратился ко мне, манерно растягивая слова:

— Мне кажется, я имею честь говорить с мистером Эганом, шефом полиции?

Я кивнул, и он продолжил:

— Мое имя Джон Сайрел, и — я буду говорить без обиняков — мне необходимо узнать все, что можно, об этом деле с закладной Рэймонда.

Я уже было хотел ему ответить, но он жестом попросил меня молчать.

— Несмотря на то, что я работаю в штате «Ежедневных новостей», — продолжил он, — здесь я нахожусь не в качестве представителя газеты.

— Ну а я здесь нахожусь, — холодно перебил я, — не для того, чтобы рассказывать о внутренних делах полиции любому прохожему или репортеру. Джеймс, проводите джентльмена к выходу.

Сайрел молча развернулся, и вскоре я услышал его шаги в прихожей.

Но этой встрече не суждено было стать последней, как покажут дальнейшие события.

На следующее утро после того, как я познакомился с Джоном Сайрелом, я поехал к месту преступления, о котором шел наш разговор. В поезде я достал газету и прочитал отчет о преступлении и последовавшей за ним краже:

«СЕНСАЦИЯ!»

«Ужасное преступление в пригороде!»

«Что думает мэр по поводу разгула преступности?»

«Утром 1 июля в городском пригороде было совершено преступление и произошла серьезная кража. Убита мисс Рэймонд, а рядом с домом найдено тело слуги.

Мистер Рэймонд (проживающий на озере Сантука) в среду на рассвете был разбужен криком и двумя револьверными выстрелами, донесшимися из комнаты его жены. Он попытался открыть дверь, но она не открывалась. Он был практически уверен, что дверь была заперта изнутри, но неожиданно она открылась нараспашку, и он увидел комнату, в которой все было перевернуто вверх дном. В центре комнаты на полу лежал револьвер, а на постели жены красовалось кровавое пятно, по форме напоминавшее отпечаток ладони. Жена исчезла, но при более внимательном осмотре комнаты под кроватью он обнаружил свою дочь, без признаков жизни. Окно было разбито в двух местах. На теле мисс Рэймонд обнаружили пулевую рану, ее голова была страшно обезображена неким острым

предметом. Вне дома нашли тело слуги с пулевым ранением в голову. Миссис Рэймонд до сих пор не обнаружена.

Все в комнате было перевернуто. Ящики бюро выдвинуты, словно убийца что-то разыскивал. Шеф полиции Эган в данный момент находится на месте преступления, и т.д.».

Когда я дошел до этого места, кондуктор объявил: «Сантука!» Поезд остановился, я вышел из вагона и пошел к дому. На крыльце я встретил Грегсона, который считался у нас самым способным детективом. Он передал мне план дома и попросил на него взглянуть, не откладывая.

— Тело слуги нашли вот здесь, — показал он, — его звали Джон Стэндиш. Он служил в доме 12 лет и никогда ни в чем не был замечен. Недавно ему исполнилось 32.

— Пулю, которой он был убит, не нашли? — спросил я.

— Нет, — ответил он и продолжил: — Ну ладно, вы лучше идите и посмотрите сами. Кстати, тут ошивался один тип, который очень хотел взглянуть на тело. Когда я отказался разрешить ему войти в дом, он пошел туда, где застрелили слугу, и я видел, как он встал на колени и стал что-то искать в траве. Спустя несколько минут он встал и пошел к дереву. Затем подошел к дому и снова попросил показать ему тело. Я сказал, что он увидит его при условии, что тотчас же после этого отсюда уберется. Он согласился. Войдя в комнату, он снова встал на колени, заглянул под кровать и тщательно все осмотрел. Затем подошел к окну и внимательно исследовал разбитое стекло. Наконец сказал, что полностью удовлетворен, и удалился к гостинице.

Исследовав комнату вдоль и поперек, я обнаружил, что для разгадки тайны я мог бы с таким же успехом все это время смотреть на мельничный жернов. Завершив расследование, я пошел в лабораторию к Грегсону.

— Полагаю, вы уже слышали о закладной? — спросил он, спускаясь со мной рядом по лестнице. Я ответил отрицательно, и он рассказал мне, что из комнаты, в которой была убита мисс Рэймонд, исчезла весьма ценная закладная. В ночь перед убийством мистер Рэймонд положил закладную в ящик, откуда она исчезла.

На обратном пути в город я опять встретил Сайрела, и он дружелюбно мне поклонился в знак приветствия. Мне стало немного стыдно за то, что я так бесцеремонно выставил его из дома. Войдя в вагон, я обнаружил, что единственное свободное место находилось рядом с ним. Я сел и попросил прощения за свою позавчерашнюю грубость. Он и не думал обижаться на меня, и, поскольку больше говорить было не о чем, мы продолжили свой путь в молчании. Наконец я решил спросить:

— Что вы думаете о деле?

— В данный момент я ничего о нем не думаю. У меня не было времени на размышления.

Нисколько не обескураженный, я попробовал снова:

— Узнали что-нибудь новое?

Сайрел засунул руку в карман и продемонстрировал пулю. Я изучил ее.

— Где вы это нашли? — спросил я.

— Во дворе, — коротко ответил он.

Я снова откинулся на сиденье. К городу мы подъехали уже ночью. Первый день моего расследования нельзя было назвать удачным.

Следующий день оказался нисколько не успешней предыдущего. Моего приятеля Сайрела в доме не было. В комнату к мистеру Рэймонду вошла горничная и, нисколько не стесняясь меня, заявила, что желает отказаться от места.

— Мистер Рэймонд, — сказала она, — ночью за окном я слышала подозрительный шум. Я вовсе не хочу уходить, но это действует на нервы!

Это было все, что произошло в тот день, и домой я вернулся совершенно разбитым. На утро следующего дня я был разбужен горничной, которая принесла телеграмму. Открыв ее, я обнаружил, что она от Грегсона. «Поторопитесь, — прочитал я, — изумительные новости». Я поспешно оделся и первым же поездом приехал в Сантуку. На перроне меня уже поджидал Грегсон. Не успел я усестыся в его маленький автомобиль, как он сразу же принялся рассказывать, что произошло.

— Ночью кто-то проник в дом! Вы, наверное, знаете, что мистер Рэймонд попросил меня переночевать в доме? Ну так вот, около часа ночи, мне захотелось пить. Я пошел в холл, чтобы налить воды, и, выходя из комнаты (а я лег в комнате мисс Рэймонд), я услышал, что в комнате миссис Рэймонд кто-то ходит! Удивившись, что мистер Рэймонд бодрствует в такое время суток, я прошел в гостиную, чтобы узнать, в чем дело. Я открыл дверь комнаты миссис Рэймонд... Тело мисс Рэймонд лежало на диване. Возле него на коленях стоял человек. Его лица я не видел, но по фигуре смог точно определить, что это не мистер Рэймонд. Я продолжил наблюдение; он бесшумно встал и я увидел, как он открыл бюро, что-то оттуда достал и сунул в карман. Развернувшись, он увидел меня, а я его: это был какой-то неизвестный мне молодой человек. Издав крик ярости, он бросился на меня, но я уклонился, поскольку у меня с собой не было оружия. Он схватил тяжелую индейскую дубинку и наотмашь ударил меня по голове. Я издал крик, который, должно быть, разбудил весь дом — и больше я ничего не помню, вплоть до того момента, когда очнулся и увидел склонившегося надо мной мистера Рэймонда.

— Как выглядел этот человек? — спросил я. — Вы узнали бы его, если бы встретились с ним еще раз?

— Думаю, нет, — ответил он. — Я видел его только в профиль.

— Единственное объяснение, которое я могу дать, заключается в том, — сказал я, — что убийца находился в комнате мисс Рэймонд, и когда она зашла в комнату, он на нее напал, нанеся ей глубокие раны. Затем прошел в комнату миссис Рэймонд и похитил ее, не забыв сперва застрелить мисс Рэймонд, сделавшую попытку приподняться. На улице ему встретился Стэндиш, который попытался его остановить, и был за это убит.

Грегсон улыбнулся.

— Это решение неправдоподобно, — сказал он.

Около дома я увидел Джона Сайрела, который кивком отозвал меня в сторону.

— Пойдемте со мной, — сказал он, — и вы узнаете нечто, что может оказаться для вас полезным.

Извинившись перед Грегсоном, я пошел вслед за Сайрелом. Он начал говорить, как только мы скрылись в аллее.

— Давайте предположим, что убийца — или убийцы — благополучно сбежали из дома. Куда же они направятся? Естественно, им нужно скрыться, и как можно дальше. И куда же они пойдут? Недалеко отсюда находятся только две железнодорожные станции, Сантука и Лиджвилль. Я установил, что Сантукой они не воспользовались. То же самое установил Грегсон. Далее, я предположил, что они направились к Лиджвиллю. Грегсон этого не сделал — заметьте, вот в чем разница! Прямая линия — кратчайшее расстояние между двумя точками. Я прошел по прямой отсюда до Лиджвилля. Поначалу мне не попалось ничего интересного. Но мили через две, в болотистой низине, я нашел следы. Там было всего три отпечатка, и я сделал слепки. Вот они. Как видите, этот след принадлежит женщине. Я сравнил его с ботинками миссис Рэймонд. Они совпадают. Остается еще пара. А вот они уже принадлежат мужчине.

Пулю, найденную мной на месте убийства Стэндиша, я сравнил с одним из оставшихся патронов в том револьвере, что был обнаружен в комнате миссис Рэймонд. Они идентичны. Из револьвера был сделан только один выстрел, и гильзу я нашел только одну, поэтому я сделал вывод, что стреляла из револьвера либо мисс, либо миссис Рэймонд. Я предпочитаю думать, что это была миссис Рэймонд, потому что именно она спаслась бегством.

Итак, подводя итоги и принимая во внимание, что у миссис Рэймонд должна была быть какая-то причина для того, чтобы попытаться убить Стэндиша, я прихожу к выводу, что ночью в пятницу Джон Стэндиш убил мисс Рэймонд через окно комнаты ее матери. Я также делаю вывод, что миссис Рэймонд, убедившись, что дочь мертва, выстрелила в Стэндиша через окно и убила его. Придя в ужас от содеянного, она спряталась за дверь, когда вошел мистер Рэймонд. А затем вышла из дома через черный ход. На улице она споткнулась о револьвер Стэндиша, подняла его и забрала с собой. Где-то по пути отсюда в Лиджвилль либо случайно, либо по договоренности, она встретила с тем, кто оставил эти следы, и пошла с ним на станцию, откуда они вместе и поехали на утреннем поезде в Чикаго. На станции мужчину не видели. Мне сказали, что билет покупала только женщина, из чего можно сделать вывод, что молодой человек с ней не поехал. А сейчас вы должны рассказать мне все, что рассказал вам Грегсон!

— Как вы все это узнали? — в изумлении воскликнул я, а затем рассказал ему о ночном визите. Он совсем не удивился и сказал:

— Я думаю, что юноша и есть наш приятель, оставивший следы. А теперь вам лучше взять револьвер и собрать все необходимое, если вы, конечно, хотите поехать со мной и отыскать этого молодого человека и миссис Рэймонд, которая, я думаю, сейчас находится с ним.

Ошеломленный от услышанного, я вернулся в город первым же поездом. Я купил пару новеньких «кольтов», потайной фонарь и две смены белья. Мы приехали в Лиджвилль и обнаружили, что молодой человек отбыл в Итаку на шестичасовом поезде. Добравшись до Итаки, мы обнаружили, что он пересел на поезд, который в тот момент находился на полпути в Принстон, штат Нью-Джерси. Было уже пять утра, но мы взяли билет на скорый, рассчитывая перехватить его где-нибудь на полпути между Итакой и Принстоном. Какова же была наша досада, когда, нагнав пассажирский поезд, мы узнали, что он сошел в Индианосе и сейчас, скорее всего, уже в полной безопасности. Упав духом, мы взяли билет до Индианоса. В кассе нам сказали, что молодой человек в светло-сером костюме сел на автобус до отеля Рузвельта. Выйдя на улицу, мы нашли тот самый автобус, на котором он ехал; расспросили водителя, и он признался, что действительно отвез пассажиров в отель Рузвельта.

— Но, — сказал старик, — когда я остановился у отеля, парнишка просто испарился, и я так и не получил с него за проезд!

Сайрел тяжело вздохнул; было ясно, что юношу мы потеряли. Мы взяли билеты на поезд до Нью-Йорка и телеграфировали мистеру Рэймонду, что приедем в понедельник. Ночью в воскресенье меня позвали к телефону; по голосу я узнал Сайрела. Он потребовал, чтобы я сейчас же мчался по адресу улица Каштановая, 534. Я столкнулся с ним у двери.

— Что, какие-нибудь новости? — спросил я.

— В Индианосе у меня есть агент, — ответил он, — мальчишка-араб, которому я плачу 10 центов в день. Я поручил ему выследить женщину, и сегодня он прислал мне телеграмму (на этот случай я оставил ему деньги), в которой он пишет «приезжайте немедленно». Так что поехали!

И мы сели на поезд. Шмиди, юный араб, встретил нас на станции.

— Сэр, вот какой вещь. Вы сказал: «Ищи парень с таким шляпа», и я сказал найду. Ночь парнишка вышел с дома на Сосновой улице и дать кебмен 10 доллар сразу. Я с минуту ждать, он выходить с женщина, и они ходить недалеко дом чуть подальше по улица, я показать вам место!

Мы пошли по улице вслед за Шмиди, пока не достигли дома, стоявшего на перекрестке. На первом этаже расположилась табачная лавка, но второй этаж явно сдавался внаем. В окне мелькнуло чье-то лицо, но, заметив нас, человек поспешно удалился вглубь комнаты. Сайрел достал из кармана фотокарточку.

— Это она! — воскликнул он и, крикнув нам, чтобы мы следовали за ним, рванул на себя небольшую боковую дверь. Сверху донеслись голоса, шарканье подошв и хлопок закрывающейся двери.

— Вверх по лестнице! — крикнул Сайрел, и мы побежали за ним, перескакивая сразу через несколько ступенек. На верхней площадке лестницы нас встретил молодой человек.

— По какому праву вы врываетесь в этот дом? — спросил он.

— По праву закона! — ответил Сайрел.

— Я не делал этого! — вспыхнул юноша. — Вот как все было. Агнесс Рэймонд любила меня — она не любила Стэндиша — и он ее застрелил; но Господь не дал ее убийце уйти от мщения. Хорошо, что его убила миссис Рэймонд, потому что иначе его кровь была бы на моих руках. Я вернулся, чтобы еще раз увидеть Агнесс перед тем, как ее похоронят. Кто-то вошел в комнату. Я его ударил. Я только что узнал, что миссис Рэймонд его убила.

— А я забыл о миссис Рэймонд! — сказал Сайрел. — Где же она?

— Она уже не в вашей власти! — сказал молодой человек.

Сайрел скользнул мимо него, Шмиди и я — за ним. Он распахнул дверь в комнату на верхней площадке, и мы ворвались в помещение.

На полу лежала женщина, и, едва коснувшись ее груди, я понял, что ей уже ни один врач не поможет.

— Она приняла яд, — сказал я.

Сайрел оглянулся — молодой человек исчез. Охваченные ужасом, мы остались наедине со смертью.

ИСПЫТАНИЕ

I

Широкие просторы центрального Мэриленда находились под привычным обстрелом горячего слеполюденного солнца, которое поджаривало и обширные долины, и извилистые дороги в клубах мелкой пыли, и безобразную, покрытую шифером крышу монастыря. В четыре часа дня даже сады излучали жару, сухость и лень, рождавшие какое-то подобие тихого довольства — пусть без романтики, но все-таки радостного. Стены, деревья, посыпанные песком дорожки, казалось, излучали обратно в чистое безоблачное небо знойное тепло позднего лета, со счастливым смехом жарясь на солнце. Этот час принес какое-то странное чувство успокоения и фермеру с соседнего поля, утершему пот со лба и потрепавшему по холке изнывающую от жажды лошадку, и послушнику, вскрывавшему жестяные консервные банки за монастырской кухней.

По насыпи над речкой ходил человек. Он шагал вверх-вниз уже полчаса. Когда он прошел мимо в очередной раз, бормоча молитвы, послушник в недоумении посмотрел на него. Час перед принятием обета всегда был тяжелым. Впереди восемнадцать лет, а мир останется позади. Послушник многих видел в таком состоянии: некоторые бледнели и нервничали, некоторые мрачнели и исполнялись решимости, кое-кто впадал в отчаяние. Но когда колокол возвещал звоном о наступлении пятого часа пополудни, произносился обет, и новички, как правило, приходили в себя. Как

раз в этот час в сельской глубинке мир кажется единственной реальностью, а монастырь — призрачным и немощным. Послушник сочувственно покачал головой и пошел своей дорогой.

Человек, не отрываясь, читал молитвослов. Он был совсем молод — не больше двадцати; темные волосы, находившиеся в беспорядке, делали его похожим на мальчишку. На спокойном лице лежал румянец, губы непрерывно двигались. Он не нервничал. Ему даже казалось, что он всегда знал, что будет священником. Два года назад он почувствовал слабое волнение, трансцендентное ощущение десницы Божьей во всем, и воспринял это как добрый знак: приближается весна его жизни. Он позволил себе сопротивляться изо всех сил. Проучился год в университете, провел четыре месяца за границей, но эти опыты лишь укрепили его в мысли, что он познал свою настоящую судьбу. Он почти не колебался. Поначалу его страшил уход от мира; его охватывал безымянный ужас. Он думал, что любит мир. Он панически сопротивлялся, но при этом все увереннее чувствовал, что последнее слово уже произнесено. У него было призвание свыше. И тогда, поскольку он не был трусом, он решил стать священником.

Весь долгий месяц послушничества его раздирали глубокая, полубезумная радость и неясный страх утраты своей любви к жизни, вместе с осознанием приносимой жертвы. Любимый сын, возвращенный гордым и уверенным в себе, с верой в судьбу. Ему были открыты все пути: удовольствия, путешествия, политика, дипломатия. Когда три месяца назад он вошел в домашнюю библиотеку и объявил отцу о своем намерении стать иезуитом, разразился скандал. Друзья и родственники забросали его письмами. Ему говорили, что из-за сентиментального предрассудка самопожертвования, из-за какого-то детского каприза, он губит юную многообещающую жизнь. Месяц он выслушивал горькие высо-

копарные банальности, ища утешения лишь в молитвах, твердо держась своего пути к спасению. В результате оказалось, что тяжелее всего было победить самого себя. Его опечалило разочарование отца и слезы матери, но он знал, что время их примирит.

И вот через полчаса он произнесет обет, который навеки посвятит его жизнь служению. Восемнадцать лет учения — восемнадцать лет ему будут диктовать все его мысли, все его идеи, а его индивидуальность и даже его физический облик будут изглаживаться ради того, чтобы в результате он превратился в прочное и надежное орудие, которое будет работать, работать и работать. Как ни странно, сейчас он чувствовал себя спокойнее и счастливее, чем раньше. Яростное, пульсирующее солнечное тепло билось в унисон с его созревшим сердцем, крепким в своей решимости и готовым выполнять свою часть работы — великого труда. Он ликовал оттого, что был избран — он, один из многих достойных, неустанно призываемых. И он откликнулся на зов.

Слова молитв вливались потоком в его разум, устремляя ввысь, к спокойствию и миру; его глаза улыбались. Все было просто; он был уверен, что жизнь умещается в молитве. Он шагал вверх и вниз. Затем вдруг что-то случилось. Впоследствии он никогда не мог описать, что это было — он говорил, что в молитвы вкрались нечто подспудное, нечто неожиданное и чуждое. Он продолжал читать, и это нечто превратилось в мелодию. Он вздрогнул и оторвал глаза от книги — далеко внизу по пыльной дороге, держась за руки, шли и пели чернокожие, пели старую песню, которую он знал:

Надеюсь, встретимся с тобой на небесах,
И никогда с тобой не разлучимся,
На небесах с тобой не разлучимся.
Господь помилуй нас, благослови,
Чтоб мы на небесах соединились.